

И.В. Курукин

«Воня безбожия»:
История одной любви, или
Провинциальный секретарь Максим Пархомов
против Святейшего Синода

Статья посвящена затянувшемуся делу о разводе провинциального секретаря Максима Пархомова и ссылке последнего в монастырь в 1723–1743 гг. На основании опубликованных и архивных документов анализируется история конфликта рядовой семьи с церковными властями, что позволяет выявить некоторые тенденции повседневности людей послепетровской России и механизма их взаимодействия с властью.

Ключевые слова: Синод, «прелюбодеяние», отлучение, Соловецкий монастырь, ссылка.

16 декабря 1726 г. Святейший Синод на очередном заседании рассматривал дело скромного чиновника XIII класса – провинциального секретаря из города Севска Максима Иванова сына Пархомова. Из казенных бумаг понятно, что чиновник был уже не очень молод и имел троих детей. Можно предположить, что происходил он из мелких служилых людей южной границы: владел «деревнишками», был грамотен, занял пост секретаря, стал «другом дома» местного начальника – бывшего капитана лейб-гвардии Преображенского полка¹, а затем воеводы Севской провинции Григория Алексеевича Колтовского (тот даже стал крестным отцом его сыну), а после его кончины женился на его вдове. Этот брак и стал причиной многолетнего судебного разбирательства. Нам уже приходилось писать об этой истории²; но в последнее время удалось найти новые документы, позволившие завершить рассказ о судьбе провинциального чиновника в эпоху перемен.

В жалобе родственников покойного воеводы, полковника Ивана и капитана Петра Васильевичей Колтовских, поведение

и моральный облик провинциального секретаря представлялись в самом неприглядном виде. Согласно показаниям его бывшей жены Ирины, в 1722 г. Пархомов «бил и мучил ее смертно и, взяв большую в ночи, привез в Рылеск в девич монастырь и, обрезав косы, велел постричь в иноческ чин насильно, ночью порою». Сделал же все это супостатство он для того, чтобы жениться на воеводской вдове Дарье Колтовской. «...И потому знатно, что он и прежде с ней прелюбодействовал», – делала вывод его первая супруга, неволею ставшая монахиней, и просила ее из монастыря освободить. Колтовские же уверяли, что Пархомов успел «прижить» с Дарьей дочь еще при жизни ее мужа-воеводы.

Согласно «экстракту» дела, Пархомов в ответ обвинил первую супругу в прелюбодеянии и даже рождении «без него» ребенка, а сама она в новом прошении духовным властям от обвинений отказалась и согласилась жить в монашестве. Но Синод посчитал последнее решение результатом «происка» секретаря, обещавшего Ирине «награждение» и достойное «пропитание». Судьи даже постановили считать пострижение законным, но второй брак Максима Пархомова и Дарьи Колтовской признали «весьма неправильным» и подлежащим расторжению по причине их добрачного «прелюбодейства». Пархомову предстояло жить совместно с восстановленной «в свецком звании» Ириной, если она того захочет, но ни на ком «до кончины своей» не жениться. А по поводу вторично лишившейся мужа – теперь уже по воле судей – Дарьи Колтовской было принято решение: «...отныне значитца прелюбодейцею»; с нее надлежало взять поручные записи о будущем примерном поведении. Разведенных, до этого находившихся под стражей при Синоде, отправили в Юстиц-коллегию, откуда должны были опять возвратиться в Синод для церковного покаяния³.

Однако Пархомов проявил характер и умело отстаивал свое право на семейную жизнь со второй женой. Сидя под караулом, он писал государыне Екатерине Алексеевне, что дело вовсе не в «прелюбодействе», а в желании челобитчиков Колтовских отобрать у его жены и дочери имение, смежное с владениями Меншикова и приглянувшееся самому светлейшему князю, и что бывшая его супруга выходить из монастыря не желает.

На царское имя приходили десятки и сотни челобитных, и неграмотная Екатерина не могла все их читать (или хотя бы слушать). Однако уже 3 января 1727 г. императрица затребовала из Синода дело Пархомова, а его самого указала «до разрешения того дела свободить на подписку с поруками». Остается только гадать, какими путями челобитная попала в Кабинет государыни и кто обратил

ее внимание на прошение несчастного секретаря. Казалось, история подошла к счастливому концу: высочайшим повелением «его с женою разлучать и падчерицы от законного наследства отрешать не велено, о чем в Верховный тайный совет и указ послать велено».

Однако как следует из поданного уже в ноябре того же года нового прошения Пархомова, упомянутый указ, «не допустя до подписания ея величеству, оный князь Меншиков Кабинета у секретаря Черкасова остановил и во время ея императорского величества болезни пред кончиною, мая 3-го дня, уничтожа означенный ея величества приказ, то подлинное дело из Кабинета, мимо тайного Верховного совета, отослал паки в Синод без резона».

Сам секретарь XIII класса объяснял закулисную сторону его «дела» следующим образом. По его словам, на беду наследниц имений умершего воеводы Дарьи Колтовской и ее дочери с их владением соседствовала вотчина Меншикова – волость Славльгородок, и светлейший князь через свои «креатуры» стремился уговорить владелицу «уступить» ему беглых крестьян, охотно селившихся во владениях могущественного вельможи. Уговоры не помогли, и Меншиков стал действовать иначе – устраивать непокорным «нагловымышленные смертные обиды». Еще в 1723 г. находившийся «в кредите» у Меншикова генерал-майор Ю. Фаминцын вызвал бывшую супругу Пархомова, монахиню Назарету, в Москву и «в квартире своей» уговорил ее жаловаться на насильственное пострижение. Со своей стороны, братья Колтовские (наиболее активно действовал Иван – полковник, а затем и генерал-майор, который «всегда жил при означенном князе Меншикове») подали прошение о признании второго брака бывшей невестки недействительным, а ее дочери незаконнорожденной, поскольку она появилась на свет в результате «прелюбодеяния» матери и потому «к отцовскому имению не наследница». В итоге в январе 1726 г. Максим и Дарья оказались в Москве под следствием и «жестоким караулом». Меншиков же лично явился к влиятельному ростовскому архиепископу Георгию (Дашкову) «и приказывал, чтоб его (Пархомова. – И. К.) с женою развесть, на что имеет свидетельство». После этого и состоялось решение Синода о разводе, на которое секретарь жаловался государыне.

Но всесильный светлейший князь сумел не только «остановить» милостивый указ императрицы: «...по кончине ея императорского величества, мая с 9-го числа, чрез приказ же его, князя Меншикова, и происк Колтовского, он, Пархомов, и жена его взяты в Синод и, оковав, держал в цепи его под жестоким караулом безвинно». Синод, естественно, подтвердил свой приговор – и Пархомов, видимо,

дрогнул: «И не стерпя он такого жестокого истязания, опасаясь от того Меншикова смерти, под оным делом подписался, по воле их, что ему с оною его женою впредь не жить, и в Синоде, учиня из того дела неправую выписку, при которой, якобы для следования, отосланы он и жена его в Юстиц-коллегию, где содержится он с женою и с детьми 5-й месяц и помирает смертно».

В дальнейшем эта подписка служила доказательством его вины и отягчающим ее обстоятельством. Но к тому времени Меншиков уже потерял все свои посты и находился в ссылке в Березове; потеряли влияние и его «креатуры», в том числе Фаминцын и Колтовский. Объявляя жалобу Пархомова Сенату, обер-прокурор отметил, что «по оному прошению государственный вице-канцлер, действительный тайный советник и обер-гофмейстер и кавалер господин Остерман, указом вашего императорского величества (Петра II. – *И. К.*), приказал рассмотреть в Сенате и учинить, как указы повелевают». А.И. Остерман как раз и был ключевой фигурой в процессе «падения» Меншикова и едва ли одобрял безудержные выходки светлейшего князя. Однако его ждали куда более важные дела, и решение судьбы «прелюбодейц» было поручено Сенату, а тот не мог своей властью изъять хранившееся в Синоде дело и прислал соответствующего указа⁴.

По-видимому, его так и не последовало. Двор и новый император Петр II в начале 1728 г. в связи с коронацией перебрались в старую столицу. В мае члены Синода вновь имели «рассуждение» о «прелюбодейцах», в процессе которого обнаружили, что Пархонов «ходит на свободе и живет паки с оною Дарьею единокупно и письменно объявляет ее женою» и оба «понеыне из Юстиц-коллегии не присланы» в Синод – а все потому, что эти недостойные «светские персоны» оспаривают синодские решения, составляют «закону противные доношения» и при чьей-то «сильных помощи» подают их верховной власти⁵. 17 июля последовало синодское доношение на высочайшее имя с просьбой воспретить «скверное прелюбодейство» и «оборонить» авторитет руководства Церкви⁶.

В июне 1728 г. Верховный тайный совет затребовал из Синода дело супругов, и архиереи передали его вместе со своим доношением⁷. Оно было «слушано» 22 июля; присутствовавшие Г.И. Головкин, Ф.М. Апраксин и В.Л. Долгоруков решили рассмотреть выписку из дела, «а в Сенат не отсылать»⁸. На этом дело и закончилось – в журналах Верховного тайного совета оно больше не фигурировало, и содержание решения нам неизвестно.

Синод напрасно ждал почти год. 5 мая 1729 г. его члены вновь рассуждали о «беззаконном и прелюбодейном сожитии»

многострадальной четы, которая к тому времени обзавелась детьми – сыном Богданом (отец сумел записать его унтер-офицером в полковую службу) и дочерью Елизаветой – и так и не явилась для покаяния: «знатно, по страсти презирающих законные повеления». Последовало синодское решение:

А ныне известно, что он, Пархомов, и на свободе ходит, и живет паки со оной прелюбодейцею Колтовскою единокупно и называет ее себе женою. Вящше же, как ныне совершенно объявилось, что и детище с нею после вышепомянутого развода прижил и, не стыдяся того своего богопротивного дела, но наипаче тем гордяся и правильное Святейшего Синода по законам Божиим о запрещении их в том богопротивном прелюбодействе определение уничтожая, явно торжествовал тому прелюбодейчищу своему родины и крестины, и тако безбожия воню от себя издает, за что грядет гнев Божий на сыны противления, – того ради приказали: властию всесвятого и животворящего духа, оных противников, Максима Пархомова и прелюбодейцу его Колтовскую, дондеже пребывают во упрямстве своем и не возвратятся с покаянием, отлучить от Церкви, и ни до каких таинств и священнослужений церковных их не допускать, и входа церковного им нигде не давать, и в дома их ни с какими церковными требами не входить. И для того из Святейшего Синода в духовную дикастерию и во все епархии, а из них и во все места, разослать указы и в церквах опубликовать листы...⁹

Духовные власти использовали самое страшное из возможных церковных наказаний – отлучение. Но и такая кара не заставила грешников раскаяться и – что еще удивительнее – похоже, не встретила понимания со стороны близких и соседей «преступников». В сентябре того же года Синод вынужден был признать, что Пархомов и его жена «и поныне в тех же богопротивных мерзостях валяются, Бога не бояся и человек не срамяся, никакого покаяния не приносят и сопричтения с правоверными не требуют, и хотят знатно во упрямстве и отчаянии, ради мерзкого своего плотоугодия, вечно погибнути».

Поскольку резолюцией Петра I от 12 апреля 1722 г. дела о нарушении супружеской верности, внебрачных детях и тех, кто «не будут в духовных делах повиноваться епископам», были отнесены к компетенции светского суда, синодским членам ничего не осталось, как воззвать к Юстиц-коллегии «сыскать» и наказать «явногрешников», которые за свои «беззакония» были «отлучены суть от Церкви и всякия святыни лишены, яко язычницы и мытари,

и анафеме преданы» (интересно, что в синодском постановлении от 5 мая об анафеме не упоминалось). От себя же они добавили угрозу распространить отлучение на всех, «кто будет вспомогать и их защищать и прикрывать и в домах своих держать». Постановление надлежало объявить по всем московским храмам. Заканчивалось оно повелением: «Буде же где оные прелюбодейцы, жестокосердые и гнева Божия не боящиеся Пархомов и Дарья явятся, и их поймав, привезть в Святейший Синод¹⁰»; правда, оставалось непонятным, кто должен был ловить «прелюбодейц» и действительно ли они скрывались или, напротив, жили открыто.

По-видимому, синодальные архиереи убедились в своем бессилии. Но в феврале 1730 г. правление «верховников» завершилось. Неудачная попытка ограничить власть новой императрицы Анны Иоанновны «кондициями» и установить намечавшуюся в различных шляхетских проектах новую систему государственного устройства обернулась восстановлением самодержавия и ликвидацией Верховного тайного совета. Возможно, именно в связи с этими обстоятельствами церковные власти попытались в очередной раз добраться до не покорившихся «прелюбодейц».

На этот раз, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло» – при дворе стало известно о тяжелой болезни дочери многострадальной четы. Как явствует из показаний, данных Пархомовым в московской синодальной конторе в 1736 г., в сентябре 1730 г. супруги в Измайловском дворце бросились в ноги императрице Анне, торжествующей после восстановления самодержавной власти¹¹. 21 и 22 сентября генерал-аншеф и генерал-адъютант Андрей Иванович Ушаков передал Синоду два «ведения»: первое уведомляло, что государыня повелела секретаря Пархомова и его жену, «покамест дело их окончитца, в Святейший Синод без указу ея императорского величества под караул не брать»; во втором Анна Иоанновна распорядилась допустить в дом супругов священников, поскольку их дочь «больна лежит антоновым огнем при смерти» и ее надо «причастить святых таин немедленно, дабы без покаяния не умерла»¹². Грозная императрица оказалась более гуманной, чем духовные пастыри.

Мы не знаем, потеряли ли Максим Пархомов и Дарья Колтовская ребенка, чем они занимались впоследствии; похоже, что глава семейства больше не служил, ибо в 1738 г. в Герольдмейстерской конторе числился «обретающимся не у дел» и считался тем, кого «к делам определять не велено»¹³. Однако вмешательство государыни облегчило жизнь «беззаконной» пары – на несколько лет о них забыли. Архиереям стало не до «прелюбодейц»: в царствование Анны

высшее духовенство испытало немало тревог в связи с осуждением нескольких высших церковных чинов за недостаточно быстрое приведение подданных к присяге. Но в 1738 г. за них взялись опять: Синод доложил в Кабинет министров о продолжавшемся «непокорении» отлученных от Церкви и просил передать их дело в Юстиц-коллегию для надлежащего наказания.

В опубликованных бумагах Кабинета дважды указано, что дело было решено, но не разъяснено, каким образом¹⁴. Несомненно, что и на этот раз Пархомов под караул не попал. Еще в 1736 г. он заявлял в синодальной канцелярии в Москве, что в 1730 г. получил «милостивой именной указ», предписывавший его «от клятвы разрешить и с женою не разводить и жить им в доме своем». Похоже, что секретарь слукавил в расчете на силу *устного* императорского распоряжения. Но это обстоятельство обернулось против него. В бюрократической машине бумага приобретала великую силу. «Ведения» А.И. Ушакова могли к тому времени затеряться, а *письменного именного указа* в Синоде не нашлось, и его чиновники обратились к тому же Ушакову за разъяснениями. Неизвестно, чем на этот раз руководствовался начальник Тайной канцелярии – то ли по забывчивости, то ли по неведомым нам «конъектурам» он заявил, что такого указа «никогда от него объявлено не было, и ежели б де такой от ея императорского величества воспоследовал, о оном бы де в то же время имело сообщено быть Святейшему Синоду письменно»¹⁵.

В том же 1736 г. Синод рассматривал дело священника московской церкви Успения в Кожевниках Ивана Филиппова, обвинявшегося в том, что вопреки запрещению Синода исповедовал и причащал «беззаконно живущую» Дарью Колтовскую во время ее болезни. Призванный к ответу батюшка оправдывался: об отлучении он знал, но нарушил запрет на основании письма архимандрита Троице-Сергиева монастыря Варлаама, в свою очередь сообщавшего ему о разрешении причастить больную, полученном от самого архиепископа Феофана Прокоповича. Если батюшка говорил правду, то к скандальному делу были каким-то образом подключены духовник Анны Иоанновны¹⁶ и вице-президент Синода, которому императрица во многом была обязана восстановлением «самодержавства». Но в 1738 г. Прокопович был уже мертв, а шеф Тайной канцелярии предпочел умыть руки. Первой жертвой Синода стал Иван Филиппов – названное письмо «приискать он не мог» и в результате был арестован, лишен сана и сослан в Переславль-Залесский, в Николаевский, «что на болоте», монастырь пребывать «в трудах монастырских неисходно»¹⁷.

Следствие по делу Пархомова и Колтовской возобновилось, но шло ни шатко ни валко – подоспел очередной политический кризис: после смерти Анны Иоанновны в октябре 1740 г. императором стал сын ее племянницы, грудной младенец Иоанн III Антонович, а регентом при нем – фаворит покойной императрицы Э.И. Бирон. А через три недели произошел очередной дворцовый переворот: арестованный и осужденный «бывший Бирон» отправился в Сибирь, а его место заняла мать императора – правительница Анна Леопольдовна. Начало своего правления она отметила приказом подать ей списки осужденных в предшествующее царствование, многие из которых получили всемилостивейшее прощение.

Пархомов попытался использовать момент и подал новое прошение, «чтоб его в Юстиц-коллегию не спрашивать и от наказания свободить, и с женою его Дарьєю от наложенной клятвы разрешить». И вновь его обращение, уже в который раз, дошло до самого «верха» – надо полагать, челобитчик имел хорошие связи при дворе. Но на этот раз они не помогли. Анна Леопольдовна была милостивой, но вникать в суть канонической проблемы не стала и отправила бумагу в Синод – ту самую инстанцию, которая отлучила пару от Церкви¹⁸.

А Пархомов, по-видимому, потерял осторожность – или был уверен в благоприятном исходе дела. В мае 1741 г. он явился в Синод, где и был арестован и надолго стал колодником¹⁹. Тогда он и подал (в мае, а затем в декабре) две челобитные, где просил прощения и обещал, что жить со своей супругой более не будет²⁰. 4 января 1742 г. в третьем по счету «доношении» бывший секретарь объявил о своем «чистом покаянии»: он обязался Дарьєю «женой не называть», а взамен просил «разрешить» его от наказания, но с супругой не разводить, «понеже они с нею, Дарьєю, имеют детей». О том же молила и вызванная из глуховского имения Колтовская. Синод оценил чистосердечие секретаря: «...к истинному покаянию является непреклонен и с нею, Дарьєю, хочет в плотоугодии пребыть и явно прелюбодействовать безстыдно». Представшему перед собранием архиереев Пархомову милостиво обещали прощение, но «прелюбодейцы» должны были разлучиться и «потрудиться» для спасения своих душ в монастырях. Оба заявили, что «в монастыре жить не желают»²¹.

Но теперь Синод показал, что виновные находятся в его власти. Пока дело рассматривалось, власть вновь сменилась – престол после очередного ночного захвата дворца заняла Елизавета Петровна. Особенностью нового переворота стало его «идеологическое» обеспечение: свержение законного императора с престола

мотивировалось борьбой с занимавшими высшие государственные посты «немцами», которые истребляли людей верных и отечеству «весьма нужных», обирали казну, несправедливо нажитые деньги «из России за море высылали и тамо в банки, иные на проценты многие миллионы полагали», подрывали истинное благочестие и не допускали к власти истинную наследницу трона. В пропагандистских сочинениях ночное свержение императора не слишком трезвой ротой гренадеров выглядело священной миссией, которую взяла на себя гвардейская «блаженная и Богом избранная и союзом любви связуемая компания, светом разума просвещенная»²². В рамках борьбы с «иноземным засильем» приверженность православию обернулась ограничением веротерпимости. Указы 1741–1742 гг. запрещали строить лютеранские кирки и совершать армяно-григорианские богослужения. Дважды – в 1742 и 1744 гг. – объявлялось о высылке из империи всех евреев, возобновлялось взимание денег с «бородачей» и ношение раскольниками шутовских кафтанов с красным воротником-козырем. Новый правительственный курс роковым образом повлиял на исход дела наших героев.

20 января 1742 г. их судьба была решена. Синод постановил «разрешить» преступников от анафемы, но допустить их к исповеди и причастию только при полном «покорении». Пархомову по объявленной в декабре 1741 г. амнистии прощались «ложь» про якобы имевший место «имянной указ» Анны Иоанновны и неявка к светскому суду. Однако «прощение» сопровождалось приговором, навсегда разлучавшим супругов:

...бессовестно и каменносердечно, аки свинии в блате, чрез многие годы валялись в прелюбодействе и сами от своего произволения с покаянием к святей Церкви не возвратились; и уже в аресте будучи, особливо оный Пархомов, разными Святейшему Синоду доношениями повинуюсь святей Церкви и суду духовному и обещааясь к тому с Колтовскою не жить, употреблял прошение о неразде их. И тако, ежели по принятии их к святей Церкви допустить их свободно жить, отнюдь не надежно, чтоб они всесовершенно разлучились, но есть крайняя опасность, дабы паки по своему бесстрашию и каменносердечию не впали в прежнее скверное беззаконие... для того во отвращение от такового их душепагубного сквернодействия и к наставлению их к покаянию и на путь спасения, разослать их каждого в монастыри под караулом скованных, придав к каждому по дву человек солдат.

Пархомова отправили в Соловки, Дарью – в суздальскую Покровскую обитель пребывать в «трудах монастырских» без права

переписки; их дети-«прелюбодейчища» были объявлены незаконнорожденными²³. «Изъявление» грехопадения Пархомова и Колтовской публично читалось в Петропавловском соборе столицы в воскресенье, подобно манифесту о выигранной империей войне.

Скованный и подконвойный Максим Пархомов 26 февраля 1742 г. был лично «принят» соловецким архимандритом Геннадием в монастырском Сумском остроге на берегу Белого моря с имуществом: 155 рублями и дорогой одеждой: шубой, «пуховиком», кафтаном, камзолами, меховой шапкой, галстуками, скатертями, салфетками, посудой – безработный секретарь явно не бедствовал. Пархомов был отправлен не в заточение, а «под начал» (под надзор) монастырских властей. Поначалу он вел себя «со всяким покорением»: «в церковь Божию ходил, у отца духовного исповедовался и святых таин приобщался», – но не выдержал долго суровых условий северного монастыря и стал проситься на волю. Замолвил за него слово и архимандрит. Но Синод, как писал сам Пархомов сыну Богдану, повелел доложить о ссыльном через год²⁴.

В феврале 1743 г. бывший секретарь вновь подал прошение в Синод и «со слезами» умолял освободить его по объявленному императрицей указу об амнистии, «по которому многие с каторг и иссылок свобожены». Узник напоминал, что четверо его сыновей несут военную службу, а за именем смотреть некому – московский двор и «деревнишки» разорены²⁵.

Не дождавшись ответа из Петербурга, Пархомов стал умолять архимандрита послать о нем «доношение» в Синод. Геннадий доложил, что Пархомов желает вырваться из монастыря хоть «в каторжную работу»; сам «прегорчайший неволник» жаловался в письме к сыну (письма подлежали досмотру и сохранились в деле): «Лутче бы быть ему на каторге, нежели в здешнем краисветном на мори Соловецком острове; не токмо де здешними морскими жестокими ядовитыми воздухами человеческое здоровье, но и железа съедает». В том же письме ссыльный умолял Богдана взять отпуск и ехать в столицу – просить Синод об освобождении отца. Наставлял он и дочь Елизавету («Сафетушку»):

Отпиши ка мне, где ты и при ком живешь и братьев Багдана и других в Москве или где в других местах ково видала ль, и писма мои получила ль, и о свободе меня просили ль и ково, и что на то твое прошение; да какую милость получили и от ково имянно, и какой ответ. И о деревнях моих и что в них чинитца, ежели о чем сведала, обо всем отпиши. И проси милости Сергея Ивановича и Михайлы Семеновича и других милостивцов, где тебе Бог способность подаст о наставлении

и о предстательстве, о свободе меня ис такой прегоркой неволи и ис ссылки...²⁶

Копию ответного послания (от 26 июля 1743 г.) адресату вручили в октябре. Дочь старалась утешить родителя, но помочь ничем не могла. Последним в архивном деле стал черновик прощения архимандрита Геннадия, который в мае того же года просил «указом ее императорского величества [Пархомова] от нас взять, ибо ис писем ево, Пархомова, явно показуется, что состояния доброго и смирения нет, дабы впредь от него, Пархомова, святые обители, а неповинным убытка и напрасного страдания не учинилось». Но вместо милостивого ответа настоятель получил выговор и запрещение писать в Синод минуя архиерея²⁷.

На этом дело о пребывании «прелюбодейцы» в Соловках обрывается. В том же году, когда духовные власти по распоряжению обер-прокурора Синода князя Я.П. Шаховского подавали сведения об освобожденных по амнистии по случаю коронации Елизаветы и оставшихся в местах заключения «штрафных и ссыльных», он упоминался в числе узников монастыря²⁸. Далее его имя исчезает из документов Синода; остается гадать, получил ли Максим Пархомов свободу или окончил жизнь в монастырских стенах вдали от детей и дорогой жены Дарьи. Составленный в 1759 г. «реестр... о колодниках, содержащихся в Соловецком монастыре, присланным по указам в разные годы» (начиная с 1739 г.) о нем не упоминает²⁹.

Максим Иванович Пархомов вряд ли намеревался войти в историю; однако у него это получилось, правда, доставив ему лишь горе. И все же его судьба примечательна для понимания роли Петровских реформ и их последствий. Безвестный мелкий чиновник предпоследнего класса по Табели о рангах не просто сумел связать свою жизнь с более знатной дворянкой. Он упорно, грамотно и даже временами успешно боролся за свое семейное благополучие с приближенными второго лица в государстве (Меншикова) и самим Святейшим Синодом, пережил «полудержавного властелина» и едва не вынудил синодских чиновников признать поражение. Вряд ли Пархомов был отважным вольнодумцем (он и в ссылку прибыл с «образом пресвятыя Богородицы знамение»), но, кажется, не испытывал особого раскаяния за свое «душепагубное сквернодействие». Секретарь скорее пытался заключить «делку со следствием», и только суровые условия монастырской ссылки заставили его просить о милости – но опять же без какого-либо искреннего или притворного покаяния. И, похоже, церковное начальство было раздражено не только открытым неподчинением его предписаниям, но

и той поддержкой, которую получала непокорная пара со стороны окружающих, несмотря на церковное отлучение «прелюбодейц». Пожалуй, уже можно говорить о пошатнувшемся авторитете «государственной» Церкви и ее пастырей, не стеснявшихся низкопоклонствовать перед сильными мира сего.

Пархомов проиграл схватку – но времена изменились, и это уже не отразилось на его детях; все они вышли в офицеры, а старший и самый удачливый, Лев, к 1754 г. дослужился до премьер-майора³⁰. Сам же Максим Иванович наглядно показал возможности бюрократии, становившейся серьезной силой; через столетие император Николай I будет жаловаться, что его империей на деле управляют столоначальники.

Провинциальный секретарь мог быть не только исполнительным подчиненным севского воеводы, но и, в силу опыта и умения к месту применять нужные указы, ключевой фигурой в принятии решений. Даже оказавшись в столице под следствием (вопрос о невиновности оставим на его совести), ушлый приказный сумел квалифицированно изложить и опровергнуть претензии высокопоставленных оппонентов, демонстрируя осведомленность об их действиях и побудительных мотивах. Он последовательно отстаивал свою правоту в «вышних» инстанциях; на его прошения обратили внимание две императрицы, регентша, «рейхсмаршал» А.Д. Меншиков, вице-канцлер А.И. Остерман и начальник политического сыска А.И. Ушаков.

При этом имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают оснований говорить об оказании Пархомову «сильная помощи» каким-либо вельможным покровителем. Из его писем из монастыря можно понять, что одним из его «милостивцев» был канцелярист Синода Степан Васильевич Шеславцев; другим – капитан Михаил Семенович Ладыгин, третьим – какой-то секретарь Сергей Иванович Попов. Получается, что именно такие малозначительные канцелярские персонажи имели и использовали возможности продвинуть нужное дело до самых «верхов». Сконцентрировав в пространстве двorca формально ничем не ограниченную власть и огромный поток информации, петровская монархия имела и уязвимое место – возможность заинтересованных «партий» и лиц оказывать влияние на принятие того или иного решения, вовремя обратив на себя внимание, подав в нужный момент прошение и получив «милостивую» резолюцию.

Секретарь Пархомов, надо полагать, не смел и мыслить о потрясении трона – он лишь всеми правдами и неправдами отстаивал свою семью. Но его более энергичные и предприимчивые современ-

ники смогли навязать Екатерине I сомнительное завещание, а Анне Иоанновне поднести сначала ограничение, а затем возвращение «самодержавства». К тому же Петр I и его супруга своим образом жизни десакрализовали образ монарха, сделали его «ближе к народу». Но за это пришлось платить: «Да и императрица де Екатерина Алексеевна – я де все знаю – вить де и она, правда де, хотя и любила своего супруга, однако ж де и другова любила, камергера Монса, которому де за оное при тех случаях и голова отсечена, а ея де за это государь очень бил. Да и императрица де Анна Иоанновна любила Бирона и за то его регентом устроила. Смотри де, что монархи делают, как де простому народу не делать чего», – излагал новейшую историю России с ее интимной стороны гвардейский офицер Григорий Тимирязев в 1742 г.³¹ Капитан-поручик угодил в Тайную канцелярию, но его более удачливые коллеги совершали лихие «революции». Вот и провинциальный чиновник осмелился «делать чего» – и его эпопея стала отражением «духа времени» начавшейся «эпохи дворцовых переворотов». Последние же затрагивали не только вельмож, но и роковым образом сказывались на судьбах «маленьких людей», подобных Максиму Парховому и его жене.

Примечания

- ¹ См.: *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка: Приложения ко II-му тому. СПб., 1904. С. 36, 196.
- ² См.: *Курукин И.В.* Романс о прелюбодейцах // *Родина.* 1999. № 7. С. 54–57.
- ³ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 1. Т. 5. СПб., 1881. С. 452–454. Копия протокола Синода была подана Екатерине I (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 94. Л. 340–342 об.).
- ⁴ См.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // *Сборник РИО.* Т. 79. СПб., 1890. С. 526–528.
- ⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 1. Т. 6. СПб., 1889. С. 158–160.
- ⁶ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 696. Л. 219–222.
- ⁷ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 1. Т. 7. СПб., 1890. С. 629.
- ⁸ См.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета: 1726–1730 гг. // *Сборник РИО.* Т. 84. СПб., 1893. С. 146.
- ⁹ Цит. по: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 1. Т. 6. С. 327.
- ¹⁰ Там же. С. 387–388.
- ¹¹ Там же. Серия 2. Т. 1. СПб., 1899. С. 51.

- ¹² Там же. Серия 1. Т. 7. С. 158.
- ¹³ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 213. Л. 64.
- ¹⁴ См.: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: 1731–1740 гг. // Сборник РИО. Т. 120. Юрьев, 1905. С. 462; Т. 124. Юрьев, 1906. С. 58.
- ¹⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 2. Т. 1. С. 51.
- ¹⁶ См.: *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Архимандрит Варлаам, духовник Анны Иоанновны // Русский архив. 1874. № 3. С. 568–588.
- ¹⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 1. Т. 10. СПб., 1911. С. 120–122.
- ¹⁸ Там же. Серия 2. Т. 1. С. 51.
- ¹⁹ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 21. СПб., 1913. С. 350.
- ²⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 2. Т. 1. С. 52.
- ²¹ См.: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. № 1798а. Л. 4–8; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 2. Т. 1. С. 50–52.
- ²² См.: Историческое описание о восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны // Русский вестник. 1842. № 4. С. 9–14.
- ²³ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 2. Т. 1. С. 52–53.
- ²⁴ См.: *Колчин М.* Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. М., 1908. С. 76.
- ²⁵ См.: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. № 1798а. Л. 19–19 об.
- ²⁶ Там же. Л. 25–25 об.
- ²⁷ Там же. Л. 21, 32–33.
- ²⁸ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 22. М., 1915. С. 199.
- ²⁹ См.: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. № 145. Л. 1–5.
- ³⁰ Там же. Ф. 286. Оп. 1. № 360. Л. 1342.
- ³¹ См.: *Курукин И.В.* «Государыню заколоть шпагою...» // Родина. 2003. № 4. С. 54–57.